

Вступление

В политике дело не сдвинется с мертвой точки от одного лишь слова авторитетной фигуры.

Программа обучения кадров пока находится на уровне концепции, сбор средств все еще впереди. Иными словами, приходится начинать практически с чистого листа.

Есть неотъемлемое условие: «воспитывать детей с грудного возраста», остальные же рамки можно менять по своему усмотрению. Судя по всему, придется проявлять гибкость и адаптироваться.

— Да уж, с этим проектом будет та еще морока...

Я закинул обе ноги на заваленный документами стол и продолжил бросать на бумаги злобные взгляды.

Всего одна ошибка при подготовке, и о положительной оценке можно забыть, не говоря уже про то, что на меня обрушатся с критикой.

Учреждение предназначено для спасения детей, а не чтобы ими воспользоваться — вот такое нужно создать впечатление у большинства граждан. Только заниматься этим надо уже после того, как наметится фактический старт проекта. Сейчас же он все еще на ранней стадии: сперва необходимо раздобыть огромные суммы денег и детей, которые станут подопытными кроликами. Для последнего придется придумать способ их добычи.

Я набрал по памяти одиннадцатизначный номер и позвонил.

— Это я. Соедини меня с Обой, есть новая работа.

Для начала воспользуемся имеющимися в моем распоряжении пешками и найдем нужные выходы, при этом неважно, насколько они хорошие.

По телефону ответил Оба. Я рассказал ему, что ищу способ заполучить новорожденных, и попросил у него совета. Хотя то, что способ будет скверный, стало неизбежным уже тогда, когда я связался с Обой.

Тут в середине разговора прозвучал дверной звонок.

— Извини, я перезвоню.

Прервав разговор с Обой, я переключился на посетителя.

— Доброе утро. Это Камогава. Аянокоджи-сан, вы здесь?

— Входи, не заперто.

— Простите за вторже...ние.

Когда Камогава вошел в обветшалый офис, располагавшийся практически в центре столицы, но арендная плата которого составляла всего каких-то сто тысяч йен, его лицо помрачнело.

— Кхм...

Не успел он переступить порог, а уже повел себя весьма оскорбительно. Но так реагировали все посетители, а Камогава по крайней мере не торопится комментировать все подряд.

— Аянокоджи-сан, неужели вы живете прямо в офисе? А то выглядит так, будто в самом деле живете...

Банки из-под пива под ногами, не стиранная черт знает сколько времени простынь на потертом диване. А увидев небрежно разбросанную по комнате одежду, даже ребенок об этом догадается.

— Нельзя?

— Нет, что вы... Просто... неожиданно, что ли...

— Хочешь сказать, не соответствует годовому доходу члена парламента?

Ежемесячная зарплата депутата законодательного собрания составляет более миллиона йен. С премией выходит больше двадцати миллионов. Плюс положены еще всякие разные компенсации.

— Кисарадзу-сан — он, в общем, старше меня на три года — хвастался, что прямо на следующей неделе после того, как стал членом парламента, оформил жилье на последнем этаже высотки прямо в центре города. По его словам, ему с ходу дали заем, который в обычных условиях никто бы не одобрил.

— Ему одобрили вовсе не из-за членства в парламенте.

— Э?

— Действительно, с точки зрения обычных компаний зарплата членов парламента высокая. Но

в этой сфере есть выборы, проводимые раз в несколько лет, будь ты из Палаты советников или из Палаты представителей. Ни один банк не станет безоговорочно выдавать крупную сумму при такой непостоянной профессии, несмотря на занимаемую должность.

— Но ведь Кисарадзу-сан сказал, что ему одобрили...

— Сумма займа, какой банк, наличие связей. Я могу привести уйму других условий, которые повлияют на решение о выдаче.

— Н-надо же... А мне, получается, не одобрили бы...

Как раз наоборот. Действительно, у Камогавы напротив меня более скромная репутация по сравнению с тем же Кисарадзу, однако в банке так или иначе узнают об его отце — Камогаве Тошидзо. Служащие банка, услышав, что он ищет финансирование, скопом ринутся к Камогаве. Еще и захватят с собой одну-две коробки конфет в качестве подношения.

— Бессмысленная трата.

— Бессмысленная? Но разве жизнь в элитном небоскребе — это не мечта каждого?

— Камогава, скажу специально для тебя: не вздумай повторять за всякими идиотами, вроде Кисарадзу.

Если он стал членом парламента лишь ради денег, то ничего удивительного, что выбрал такой бестолковый способ их вложения.

— Я не говорю тебе не покупать недвижимость в принципе. Просто не прогадай с выбором момента. Деньги могут закончиться, а вот возможности безграничны.

— Понятно...

Камогава кивал, да только ничего из моих слов не понял.

— Предположим, тебе на руки свалятся сто миллионов, и ты даже можешь забрать их себе. Как поступишь?

— Э? Сто миллионов? Ну, девяносто просто положил бы в банк, а десять спустил бы сразу. В кабаре схожу, куплю машину. Может, вложусь в какие-нибудь акции. Будь у меня двести миллионов, купил бы себе целое здание.

В каком-то смысле его ответ можно назвать образцовым, но он, подобно Кисарадзу, впустую бы

растратил все деньги.

— А вы их потратите как-то иначе, Аянокоджи-сан? Как, расскажите?

— Сам думай.

— Э-э-э? Да ладно вам, расскажите!

Сто миллионов. Если бы у меня внезапно появилось столько денег, я бы, скорее всего, потратил их за пару дней. Они — средство для установления связей с финансовыми кругами: взятки, подкуп и так далее. Тебе открывается множество разных возможностей для инвестирования в свое будущее.

А когда в кармане нет ни гроша, на офис или собственный дом не потратишься.

Нужно, что бы вложенные в начале сто миллионов через несколько лет или даже десятилетий вернулись с большим числом нулей.

И выйдет просто идеально, если вдобавок получится добраться до конечной остановки — звания самого влиятельного человека в стране.

— Ты ради чего сюда вообще пришел?

— Ради чего? Как грубо, Аянокоджи-сан! Наоэ-сенсей велел помочь, вот и пришел.

— В этом нет необходимости.

— Нет, так не пойдет! Я ведь тоже один из тех, кто знает о существовании проекта. Не то чтобы я был против, что все заслуги достанутся вам, но...

Хоть Камогава весьма бездарен и впустую тратит свою жизнь, но я могу понять его желание выслужиться. Такая возможность выпадает крайне редко. Однако член парламента — это такая профессия, в которой отсутствует само понятие отдыха. Государственный служащий особого назначения с неполным рабочим днем. К тому же парламентская сессия сейчас в самом разгаре. Участие в собраниях по изучению и выработке политического курса Гражданской партии. Встреча с представителями поддерживающих организаций, работа общественных приемных, служебные обязанности, общественная деятельность — график у всех расписан практически полностью.

— А от тебя будет польза?

— Разумеется! Я, может, звезд с неба не хватаю, зато сын самого Камогавы Тошидзо!

Вес имени твоего отца в политических кругах не настолько большой, чтобы так высокопарно о нем говорить. Но я не могу просто проигнорировать распоряжение Наоэ-сенсея.

— Ладно, сам напросился принести пользу. Я дам тебе задание.

Глаза у Камогавы заблестели: до сих пор ему никто не давал хоть сколь угодно значимую роль.

— И какое?

— Нашему проекту жизненно необходимо сооружение, где будут проходить исследования. Я поручаю тебе найти подходящее место. Нужно учесть масштаб, бюджет и возможность избежать посторонних глаз. Справишься — выдам следующее задание. Ты ведь хочешь стать полноценным членом парламента, достойного признания Наоэ-сенсея?

— П-понимаю. Действительно, без этого обойтись никак нельзя.

— Что касается масштаба, пусть он и не сравнится с «КоЙку», но с каждым годом детей будем принимать все больше. А для этого нужно соответствующее пространство. К тому же немаловажно позаботиться об анонимности.

Ведь нельзя во всеуслышание заявлять о проекте. Нельзя допустить распространения газетных заметок на тему «Обучение, угрожающее жизни и здоровью грудных младенцев!»

— Если смотреть с точки зрения расходов, выбор неизбежно падет на сельскую местность.

Камогава до сих пор выглядел глуповато, но сейчас выражение его лица преобразилось.

Он живет в довольно комфортных условиях, но звание «второго поколения» вовсе не доставляет ему радости. Возможно, если дать Камогаве подходящее задание и хвалить в нужные моменты, то из него выйдет какой-то толк, иначе же возникнут проблемы.

— Хорошо. Я займусь этим.

— Вот и отлично. Знаешь, лицо у тебя сейчас выглядит солиднее, чем прежде.

— В-вы так думаете?

Ну вот, стоило похвалить, и это выражение как ветром сдуло.

— А чем вы сами займетесь, Аянокоджи-сан?

— Чтобы построить учебное заведение, нам прежде всего необходимы деньги. И я как раз начал подготовку.

Уже на ранних этапах при задуманных условиях потребуется довольно внушительная сумма. Если включить в расчеты наем необходимых кадров и прочее, то выйдет примерно пятьсот миллионов йен. С подстраховкой — шестьсот-семьсот миллионов...

— Получается, вы хотите рассказать о проекте и получить финансирование?

— Разумеется, именно это я и собираюсь сделать.

— Мне кажется, нам с радостью дадут денег. Мы ведь собираемся организовать лучшее образование для детей.

Похоже, он и правда не видит дальше своего носа. Кто вообще станет давать денег под проект, который пока находится на стадии разработки и существует только на бумаге? Тем более это не та сумма, которую состоятельные люди с легкостью согласятся дать, если рассказать лишь в общих чертах.

Естественно, поскольку я — политик, то формально не могу принимать пожертвования. Скорее всего, придется учредить какую-нибудь подставную ассоциацию или что-то еще и принимать пожертвования через нее.

Для пожертвований есть определенные верхние границы, однако политиков, которые честно их соблюдают, надо еще поискать. Существует множество способов, позволяющих обойти эти ограничения.

Если бы сам Наоэ-сенсей сказал: «этим проектом занимаюсь я», этого было бы достаточно, чтобы для существующего только на бумаге проекта деньги потекли рекой.

Мы так поступить не можем, поэтому для начала нужно срочно отыскать хотя бы одного крупного инвестора. Без способности Наоэ-сенсея — располагать к себе людей — придется убеждать вложить в нас средства. Если удастся, то тогда собрать пятьсот миллионов будет вполне реально.

Я практически выставил за дверь Камогаву, заставив его взяться за дело, и достал из ящика стола три расчетные книжки. Депозиты в трех организациях, включая региональный банк.

— В сумме... выходит немногим меньше десяти миллионов, да?

Для осуществления проекта этих денег недостаточно, но их придется считать нашим стартовым капиталом.

Часть 1

Широкане, специальный район Минато, Токио. Элитный жилой район.

Именно здесь расположился необычайно большой особняк, обладающий собственной историей. Интересно, сколько раз приходилось вкладывать деньги в его реконструкцию? Снаружи он не выглядит таким уж старым. Рядовой политик, например, ни за что бы не смог позволить себе такой дом.

Несколько камер видеонаблюдения были установлены прямо у входа. Охрана здесь должна быть серьезной, это ощущалось сразу.

Мельком бросив взгляд, я проверил имя, выведенное на роскошной табличке — там значилось «Сакаянаги», — после чего нажал на кнопку звонка. Навстречу мне вышел мужчина средних лет, судя по всему, кто-то из прислуги.

Поскольку встреча была согласована заранее, меня без проблем пустили внутрь.

На всюду простирающихся татами, источавших аромат ситника, не было видно ни следа потертостей. Возможно, их регулярно меняют. С первого взгляда понятно, что даже сюда денег вкладывают немало.

Мы прошли дальше, и в глубине дома показалась комната в западном стиле. Там мне сказали сесть на диван и подождать.

Теперь надо обдумать, какую линию поведения мне надо избрать для общения с человеком, с которым предстоит встретиться.

Я решил без стеснения усесться поглубже на диване и просто ждать.

Будучи человеком, работающим вместе с Наоэ-сенсеем, а также имеющим на руках перспективный проект, я не собираюсь проявлять излишнюю скромность.

Пока я вглядывался в клубы пара, исходящего от поданного чая, передо мной появился человек, с которым у меня назначена встреча, — Сакаянаги Наримори.

— Прошу прощения, что заставил ждать.

Мое первое впечатление, составленное в ту же секунду, было следующим: стройный, как тростинка, элегантный мужчина. Говорил он спокойным голосом, в поведении не прослеживалось то высокомерие, присущее многим богатеям.

— Здравствуйте, меня зовут Аянокоджи. Спасибо, что нашли время встретиться, несмотря на свой плотный график.

Даже если я решил вести себя смело, нужно помнить о минимальных нормах приличия и использовать формальное обращение к человеку. Ведь факт остается фактом: я пришел в чужой дом и нахожусь сейчас в положении просящего.

— Я Сакаянаги. Наоэ-сенсей часто рассказывал мне о вас, Аянокоджи-сенсей.

— Надеюсь, он не сильно меня критиковал...

— Нет, что вы. Он отзывался о вас, как о невероятно выдающемся человеке! Однако, узнав о том, что мы ровесники, мне стало ужасно неловко за себя.

Только вот тому, кто с рождения входит в число успешных людей, должно быть все равно на тех, кто в низах. Если это банальная скромность, то надо отдать должное его умению врать и не краснеть.

— Благодарю вас. И тем не менее мне доводилось слышать, что вы также пользуетесь известностью, Сакаянаги-сан.

А мне стоит начать с проверки его человеческой натуры и ее подлинности.

— Нет-нет, вы преувеличиваете. Это все благодаря заслугам моего отца, только и всего.

Он не стал поддаваться на мою лесть: лишь горько улыбнулся, словно оказался в неловком положении.

После этого мы еще какое-то время продолжали нашу словесную взаимную проверку, однако мое впечатление о нем оставалось прежним. Поскольку он не торопился прерывать наш разговор, я решил, что будет лучше, если сам сделаю первый шаг.

— Причиной моего визита послужили слова, сказанные однажды Наоэ-сенсеем. Он говорил, если у меня возникнут проблемы, следует обратиться к вам, Сакаянаги-сан. Стыдно признаться, но я пришел к вам с просьбой.

Состоятельные люди в большинстве своем относятся с прохладой к разговорам, начинающимся подобным образом. В конце концов подавляющее большинство проблем связано с деньгами.

Тяжелая жизнь, мечта создать свой бизнес или желание вложиться во что-то, но нет капитала. Для всего этого так или иначе нужны деньги.

— По какому же конкретно вопросу вы пришли?

Не похоже, что Сакаянаги относится ко мне с подозрением, тем не менее выражение его лица слегка изменилось.

— В данный момент я планирую реализовать один проект. Однако для этого необходимы внушительных размеров инвестиции.

— Понимаю. И поэтому со своими проблемами... со своей просьбой вы пришли ко мне?

— Сакаянаги-сан, я не могу требовать у вас деньги на первой же встрече. Но у меня есть близкая к этому просьба. Не могли бы вы стать посредником между мной и финансовыми кругами?

Я вытащил из прозрачного файла новые документы, которые составил сам, и показал их Сакаянаги.

Но он не взял их в руки, а продолжал смотреть мне в глаза.

По выражению лица так не скажешь, но он явно относится ко мне довольно настороженно.

Впрочем, по-другому быть не может.

Даже если Сакаянаги слышал мое имя, для него я совершенно посторонний человек. Пускай я именуюсь политиком, но признанием в обществе не пользуюсь. То есть читать документ без раздумий он не станет.

Так заведено у богатых: если узнаешь, то ввяжешься, а за этим последуют проблемы.

— Понятно. Вы пришли сюда не затем, чтобы просить у меня средства.

— Именно. Нельзя же внезапно врываться и требовать: «Давайте сюда свои деньги». Разумеется, если вы согласитесь поддержать проект, этого все равно будет недостаточно. В данном случае важно не просить деньги, склонив голову, а убедить как можно больше людей стать нашими спонсорами.

Но без возможности устроить презентацию проекта дело завершится пустой болтовней.

— Я хочу положить начало проекту, с которым удастся спасти жизни детей, сколько получится, и дать им правильное образование. Поэтому рассматриваю возможности организовать такое учебное заведение. И я один из тех, кто находится под глубоким впечатлением от старшей школы Кодо Икусей, которую претворил в жизнь ваш отец.

Дети, жизни, образование.

Эти слова неминуемо должны задеть Сакаянаги за живое.

Его отцу вверен «КоИку» — он самый настоящий лидер, указывающий детям путь.

Нельзя дать слабину и позволить ему даже не ознакомиться с бумагами.

— В таком случае, как один из вариантов, вы могли бы проконсультироваться не со мной, а с моим отцом.

— Действительно, с логической точки зрения, возможно, это было бы правильно. Однако в мире политики не все так просто. Старшая школа Кодо Икусей получила свою известность благодаря Киджиме-сенсею. А ваш отец, если не ошибаюсь, поддерживает с ним тесную связь. В таком случае как я могу просить у него совета, если состою во фракции Наоэ, соперничающей с Киджимой-сенсеем?

— Вы совсем не допускали возможности, что я могу состоять в хороших отношениях с Киджимой-сенсеем?

— Допускал, разумеется. Однако о подобном я ничего не слышал. Вот почему решил пойти на такой риск.

Ложь в моих словах есть, но большая часть в них — правда. Его отец может быть сколь угодно разумным и влиятельным человеком, но я не могу рассказать ему о проекте, раз он состоит во фракции Киджимы.

— Я спрошу прямо: следует ли мне считать, что информация об этом предприятии ни при каких условиях не должна быть донесена до Киджимы-сенсея? Я правильно понял?

— Отрицать не стану.

— Тогда кое-что остается для меня неясным. Похоже, вы, Аянокоджи-сенсей, не понимаете, на чьей я стороне: Киджимы-сенсея, Наоэ-сенсея или где-то между ними. Но при этом все равно решили мне все рассказать. Если я ознакомлюсь с бумагами, то заполучу информацию. И мне кажется, вы не осознаете, с кем я могу ею поделиться.

— Тут вы правы. Но, если бы я сказал, будто за несколько минут разговора понял для себя, что вам можно доверять, вы бы наверняка отнеслись к моим словам с прохладой.

Сакаянаги кивнул без утайки.

— Однако даже у меня, такого малозначимого политика, есть убеждение. Я целиком и полностью доверяю Наоэ-сенсею. Будь вы человеком, который мог бы раскрыть содержание нашего разговора Киджиме-сенсею или своему отцу, Наоэ-сенсей ни за что не посоветовал бы мне обратиться к вам в случае возникновения проблем.

— Как посмотрю, вы очень доверяете Наоэ-сенсею...

— В скором времени многие политики войдут в состав фракций. Неважно, к какой конкретно они примкнут, но, если поддерживаешь одного, значит обязан верить в него до последнего. Я считаю, в этом случае не может быть и толики сомнения.

— Понимаю. Видимо, поэтому Наоэ-сенсей держит вас у себя, — улыбнулся Сакаянаги, после чего уселся поглубже. — Вам уже известно, Аянокодзи-сенсей, что мой отец состоит в хороших отношениях с Киджимой-сенсеем. А раз так, вам не кажется странным наличие у меня связей с Наоэ-сенсеем?

— Разумеется, определенные сомнения у меня есть.

— Я глубоко уважаю своего отца, но и вижу в нем свою цель. Не знаю, пойдем мы одной дорогой, или наши пути разойдутся, однако я как минимум стараюсь изучить самые разные возможности. Поэтому я и сблизился с Наоэ-сенсеем, достойным противником Киджимы-сенсея, и получаю новые знания. Мой отец вовсе не против и даже оказывает молчаливую поддержку.

— Ваш отец, похоже, широких взглядов, раз одобряет расширение кругозоров и одновременно становление противником. И он также, судя по всему, верит, что вы умеете хранить секреты.

Люди его положения следуют по стопам своего отца, это общепринятая практика.

Если связаться с противоборствующей организацией, у тебя появится возможность собрать информацию о противнике, но это сопряжено с риском передать информацию о себе.

Тем не менее он чем-то приглянулся Наоэ-сенсею, а значит доверие Сакаянаги заслужил.

— Моя уверенность лишь стала тверже. Я хочу, чтобы вы непременно просмотрели документы.

— В зависимости от причины визита, я был готов просить вас немедленно покинуть этот дом,

однако мой настрой изменился. Я твердо убедился в вашей страсти и стремлениях. Позвольте ознакомиться.

Наконец-то Сакаянаги взял документы и принялся за чтение.

Бегло прочитав их, Сакаянаги не стал углубляться в мысли, а лишь проронил:

— Действительно, в Японии ежегодно несколько сотен детей оказываются брошенными. С таким положением нельзя мириться, к тому же не вижу ничего плохого в том, что политики пытаются данную ситуацию исправить. Скорее, это можно только поприветствовать.

— Хотите сказать, что тоже сопереживаете детям?

— Конечно. Однако подобные вопросы должны обсуждаться на уровне правительства, а... Прошу прощения за такие слова, но какое отношение к этому может иметь рядовой гражданин вроде меня? Я очень надеюсь, что вы, Аянокодзи-сенсей, непременно возьметесь за этот вопрос и разработаете план по его решению.

— Я непременно бы взялся, будь у меня такая возможность. Однако система нашей страны не так проста. Брошенные дети по-прежнему никуда не деваются. Есть еще неполные семьи и семьи в трудном материальном положении, в которых дети не могут получить должного образования. Неравенство в обществе наблюдается все чаще, и нет ни одного признака, что порочный круг бедности однажды будет разорван. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

— Пожалуй, вы правы...

— Посмотрите телевизор, и тогда поймете, о чем я говорю. Матерям приходится втайне рожать детей в туалетах станций, а потом хоронить их. Такие ситуации уже не редкость. Нельзя представить чувства матери, которая вынуждена отнимать жизнь собственного ребенка из-за несовершенства закона и страха перед мнением общества. Да, на такие жестокости идут из-за нежелательной беременности, но не все хотят добровольно становиться преступниками. Если создать такое место, где им с радостью протянут руку помощи, то число людей, которых постигла столь печальная участь, можно свести к минимуму.

Реализация этой программы поможет спасти жизни десяти, двадцати, а потом и более сотни детей. Нет, наверняка даже больше.

— Даже если ты стал политиком, не факт, что выйдет все так, как задумывалось. Уверен, вы, Сакаянаги-сан, кто весьма близок к нашим кругам, также это понимаете. Член парламента или совета местного самоуправления — неважно, любая должность подразумевает принятие законов, утверждение бюджета и установку правил. А обладатели реальной власти действуют лишь ради собственной наживы, к молодым политикам же никто не станет прислушиваться. Или вы считаете, что на жизни детей можно закрывать глаза двадцать или тридцать лет, пока я... пока я* не сделаюсь полноценным политиком и не получу права голоса?

[П/Р: В оригинале Аянокоджи с Сакаянаги до сих пор общался учтиво-вежливо, и даже местоимение «я» использовал не то, какое использует обычно, а более вежливо-нейтральное. Только сейчас он решил изменить местоимение, как бы демонстрируя свою искренность.]

Если слушающий меня Сакаянаги будет бездействовать, то также окажется виновником. Вот какую мысль я хотел вбить в его сознание.

— И тем не менее... Аянокоджи-сенсей, вы ведь член парламента. Человек, который думает о стране и ведет за нее свою борьбу. Как же вы собираетесь продвигать дело, если первым делом не выносите этот вопрос на национальный уровень?

— Мы политики, госслужащие. Эта служба специального назначения допускает работу по совместительству. Я не намерен делать на этом деньги, зато в плане возможных действий руки у меня развязаны.

— Выходит, вы хотите сделать своей работой спасение детей в частном порядке?

— Мне пришла в голову мысль, что именно сейчас, когда Наоэ-сенсей проявил ко мне интерес и когда я начинаю делать первые шаги в качестве политика, окружающие могут прислушаться к моему голосу. Именно поэтому, если вы, Сакаянаги-сан, станете моим посредником в финансовых кругах, шаг вперед станет реальностью.

— Действительно, в отличие от обычных людей, на политиков окружающие смотрят совершенно иначе. Если написанное на бумаге претворится в жизнь, возможно, появятся те, кто поддержит проект...

Будучи сыном своего великого отца и представителем второго поколения, он как минимум намного превосходит кого-то вроде Камогавы.

И все же несмотря на демонстрируемое добродушие, прямого ответа он давать не спешит.

— Но собрать деньги у вас возможность имеется. Вы же упомянули про работу по совместительству, Аянокоджи-сенсей? Через интернет можно распространить свое сообщение не только внутри страны, но и по всему миру.

— Распространить всему миру, что законодательство Японии не способно справиться с ситуацией? Я тогда запятнаю не свою репутацию, а репутацию Наоэ-сенсея. На данном этапе эта инициатива должна реализовываться в режиме строжайшей секретности. Именно поэтому мне необходимо содействие людей из финансовых кругов. Могу я рассчитывать на вашу помощь?

— Я не имею ничего против того, чтобы представить вас... Однако... пройдет ли все гладко — уже другой вопрос. Люди не обрадуются, услышав лишь вереницу громких слов. Я бы сказал,

они, скорее, насторожатся.

— В таком случае как мне следует поступить? У вас есть мысли на этот счет?

— Не лгать. Все ваши замыслы и цели должны быть раскрыты, Аянокоджи-сенсей.

Если бы я мог, не пришлось бы так изворачиваться.

— Это трудно, понимаю. Но вы сами поверите в такого человека? Который нисколько не думает о наживе, не претендует на заслуги, а самое главное для него — спасти детей?

Действительно, я бы с презрением рассмеялся ему в лицо.

— «Мне нужны статус, слава и деньги, и для этого я хочу помогать детям». Разговор выйдет не совсем откровенным, признаю, но собеседники вам поверят. К тому же вы — член парламента. Если люди узнают, что это основа для вашего дальнейшего продвижения, они подумают: однажды вы станете важной фигурой, и тогда их вложения многократно окупятся. Как считаете?

— Вы правы...

— Разумеется, детям пойдет на пользу, если в проекте не будут замешаны личные интересы. Но это уже идеализм. Чего вы ожидаете от реализации программы, Аянокоджи-сенсей?

— Статуса, славы, денег.... Да, однажды я захочу этого, и они будут необходимы.

Как заметил этот человек, они безусловно понадобятся. Тем не менее есть веская причина, по которой я столь заинтересован в проекте.

— В текущей ситуации Япония не может бороться с остальным миром. Но мы не сможем его догнать, если будем пытаться выискивать кадров, от рождения способных вести такую борьбу, и неважно, сколько времени пройдет. Вот почему я хочу дать детям достойное образование и воспитать из них гениев — кадров, способных конкурировать с целым миром. Такая у меня задумка. Дело не только в спасении жизней. Моя настоящая цель — превратить эти жизни во что-то более ценное для мира.

Принудительное спасение и воспитание. Обществу будет нелегко это принять.

— Воспитание детей полностью возлагается на родителей. И вы считаете, Аянокоджи-сенсей, что можно взять оставшихся без родителей и заниматься их воспитанием и обучением ради осуществления своих идеалов?

— Это не ради меня, а ради будущего Японии.

Послевоенная Япония, что поднялась за счет экономического пузыря, сейчас катится по наклонной. Мы уже находимся в той ситуации, когда над нами насмеются, ставя в один ряд с развивающимися странами. Нужно положить этому конец.

— Что вы думаете, видя засилье пожилых политиков? Действительно ли старики, которым за семьдесят-восемьдесят лет, заботятся о Японии? Им все равно, пока сами просто продолжают жить. И нет им дела до того, что будет через пятьдесят или сто лет. Я, может, тоже однажды приду к такому ошибочному суждению. Однако сейчас я думаю иначе. Как представитель молодого поколения, я хочу защитить наше будущее от печальной участи. А для этого нужно как можно быстрее перейти к действиям.

Я поймал себя на мысли, что самозабвенно толкаю пылкую речь. Попался ли я на удочку его безукоризненного мышления или же сработали мои инстинкты политика?

— Наоэ-сенсей осведомлен об этом?

— Нет. Это моя личная идея.

Я не могу в такой ситуации сказать «да». Однако Сакаянаги, судя по всему, все понял — он кивнул, глядя мне прямо в глаза:

— То, каким видит образование мой отец, как и то, каким его вижу я, значительно отличается от вашего видения, Аянокодзи-сенсей. Однако это отнюдь нельзя назвать чем-то плохим, скорее, это еще один нужный подход. Обстоятельства складываются по-особенному, и появляется возможность прояснить, чей подход верный. Ситуация очень схожа с положением вроде моего — того, кто намеренно связался с Наоэ-сенсеем.

Отец этого человека отвечает за старшую школу Кодо Икусей. Это действительно может привести к новым свершениям. Но, как правильно заметил Сакаянаги, наши взгляды заметно разнятся.

— Хорошо, я представлю вас. Но с одним условием.

— Каким?

— Когда реализуете свою программу на практике, позвольте мне быть рядом и наблюдать за вашими методами, Аянокодзи-сенсей.

— Только и всего?

— Для меня это очень важно. Я смогу многому научиться.

— Обещаю вам. Если удастся создать подобное заведение, то вы получите свободный доступ, Сакаянаги-сан. Я не стану возражать, если вы захотите увидеть результаты своими глазами.

Это небольшая цена за то, что он сведет меня с финансовыми кругами. К тому же мне многое хочется узнать о том, как устроена старшая школа Кодо Икусей. Возможно, я даже смогу как-нибудь раздобыть информацию о Киджиме-сенсее, сопернике Наоэ-сенсея.

В случае и друга, и врага информация — это сила.

Хотя все ли пройдет так гладко?

Мужчина передо мной то и дело выражал неоднозначное отношение к проекту, но продолжал улыбаться. Сейчас же его поведение говорит о том, что он с самого начала собирался принять мою сторону.

Может ли за этим скрываться какой-то подвох?

Наоэ-сенсей посоветовал Сакаянаги, но нет гарантий, что он уже не поддерживает кого-то другого. Если же он проболтается о наших планах...

Не зашел ли я слишком далеко, пытаюсь срочно раздобыть денег?

О нем были наведены кое-какие справки, но изучить его досконально, как у меня это обычно происходит, не получилось из-за нехватки времени. Опасно действовать, не разобравшись как следует в ситуации, но...

Надо быть готовым идти на подобные риски снова и снова.

— Если вы не возражаете, не хотите как-нибудь вместе отобедать? Я бы очень хотел расспросить вас поподробнее о «КоИку».

— Я как раз подумал о том, что хотелось бы поговорить с вами о предложенном проекте, а заодно и обсудить политику, Аянокоджи-сенсей. Непременно составлю вам компанию.

Приглашение на совместный обед — это своего рода ритуал, который подчеркивает поверхностность отношений.

Ну что, пришло время для второго раунда?

Часть 2

Стоило только открыть глаза, как пятна на грязном потолке начали беспорядочно вращаться.

— Не надо было налегать на алкоголь в эти дни...

Пока я смотрел в одну точку, не в силах подняться, раздался дверной звонок: трижды с короткими интервалами.

Посетитель, похоже, заметил, что не заперто, поскольку дальше бесцеремонно вошел.

В офисе появился запыхавшийся Камогава, от которого вот уже две недели не было никакой весточки.

— Вставайте, Аянокоджи-сан! Я нашел идеальное место!

— Не кричи ты так...

В копилку еще добавился мой недосып, и вот его крик звучал словно из громкоговорителя.

Делать было нечего: пришлось встать и, несмотря на звон в ушах, принять от Камогавы письменный отчет.

— От вас изрядно пахнет алкоголем. Мне даже завидно. Где вы так хорошо поужинали?

— Распивать спиртное — тоже часть работы. У меня нет такой выдержки, чтобы получать от этого удовольствие.

Если он думает, что я выпивал дешевое пойло с молоденькими девушками, то он сильно ошибается.

Когда становишься политиком, нельзя сходу задирать нос, приходится работать — расстилаться перед начальством и постоянно наполнять их бокалы. Это ничем не отличается от будней офисного планктона.

В бумагах Камогавы, который прыгая от радости явился с докладом, были документы на объект, где, возможно, будет организована наша программа.

— Сайтама? Кажется, ты сам оттуда родом?

Я не сильно удивлен: земля в Токио стоит дорого, поэтому считал, что расположиться тут будет нереально.

— Да. В горах есть фабрика, которая когда-то принадлежала фармацевтической компании. Где-то пару десятков лет назад поползли слухи о ее вреде для окружающей среды, и с тех пор продажи начали падать. Несколько лет назад компания обанкротилась. Правда, саму фабрику не снесли, она продолжает оставаться на месте. Площадь территории не слишком большая и не слишком маленькая, думаю, она как нельзя лучше подойдет для реализации проекта.

Я положил документы на стол и открыл карту на компьютере, чтобы подробнее изучить место.

Нужно быть благодарным, что в наше время можно получить любую желаемую информацию в реальном времени, где бы ты ни находился.

Что касается самого места, оно идеально: до ближайшей железнодорожной станции добираться дольше часа, а автобусы рядом не ходят.

Также указаны расценки как на случай аренды, так и на случай покупки. Хотя и получится сравнительно дороже, но есть вариант, при котором сначала можно оформить договор аренды, а через несколько лет выкупить здание.

Впрочем, по поводу сроков, суммы и других условий наверняка можно поторгаться.

— Хотя два миллиона четыреста тысяч? Не многовато просят? За два с половиной миллиона предлагают примерно такое же место в тридцати минутах от станции. Думаю, мы сможем сбить цену.

— Знаете, они, скорее всего, тоже сначала пытаются прощупать почву.

Объект расположен в месте, где арендаторов найти не так просто, поэтому нетрудно будет сделать так, что бы не мы просили предоставить нам аренду, а они сами просили нас стать арендаторами.

А при заключении долгосрочного контракта, вполне возможно, та сторона сделает приличную скидку.

— Хорошее ведь место, скажите!

— Прямо загорелся, смотрю. Где предварительный расчет стоимости ремонтных работ и прочих расходов?

— Все здесь!

Он вытащил из портфеля какие-то другие бумаги и протянул их мне.

Видимо, как минимум у него есть способность использовать голову по назначению.

В документах приведены расчеты по всем базовым статьям расходов, необходимых для строительства.

Кроме того, еще и подготовил трехмерную модель.

— Это тоже твоя работа?

— Да. У меня есть один знакомый строитель, вот я его и попросил. Разумеется, о программе не сказал ни слова, можете быть спокойны. Что скажете?

— Неплохо. Однако лишняя краска и подобная чушь нам без надобности. Я не собираюсь тратить деньги на декор.

— Выходит, бюджет урезаем до минимума.

— К внешнему виду можем еще вернуться, но как только раздобудем приличную сумму.

— В таком случае позже еще раз посмотрю и подправлю.

Запустить сам проект — вот что важно. Так же, как и получить результаты.

— Неплохо справился для начала. Надо как можно раньше связаться с владельцем.

— Обратимся к брокеру? Или обойдемся без него?

— Обойдемся. Привлечем такого, и он начнет идти на мелкие ухищрения, что может сделать только хуже. Будет лучше, если мы просто склоним их на свою сторону.

— Я вас понял.

По-хорошему надо продолжить поиски и найти еще один-два варианта, но хотелось бы по возможности закрыть этот вопрос уже сейчас. К тому же близится дата проведения званого вечера для финансовых кругов, на который меня проведет Сакаянаги.

— Даже если все пройдет по плану... Что будем делать с детьми? Допустим, мы подготовим деньги, здание и воспитателей, но без самого главного, детей, ничего не выйдет, так ведь?

Разумеется, параллельно ведется работа и в этом направлении.

— Не переживай, у меня есть кое-какие мысли на этот счет.

— Мысли, говорите? Расскажите подробнее! Мы же на одной стороне.

Я направил сердитый взгляд на Камогаву, смотрящего на меня с ожиданием в глазах.

— В мире есть вещи, о которых лучше не знать. А если как-нибудь узнаешь о них, и что-то вдруг случится, то помочь я тебе уже не смогу. Или ты уже готов к тому, что можешь потерять свой пост и даже провести десятки лет за решеткой?

— Н-нет!.. Н-нисколько не готов!..

Это ведь не угроза. Работа над программой целиком и полностью осуществляется в тайне, и, если правда о ней всплывет наружу, ее сразу же прикроют. Я не могу впутывать в это дело Камогаву.

Но это делается вовсе не для того, чтобы уберечь его, а ради собственной безопасности. Если его схватит полиция, тщательного расследования избежать не удастся. К тому же... наверняка те типы тоже молчать не станут.

— Как бы то ни было, есть множество способов заполучить детей, поэтому можешь не переживать.

Обычно, когда личность родителей установить не удастся, детский консультационный центр отправляет новорожденного в ясли или в детский дом. Только потом его отдают на усыновление или подбирают приемную семью.

Обретет ли он счастье — неизвестно, однако это верно и для детей, которых воспитывают их биологические родители. Все зависит от того, насколько благоприятные условия для него созданы.

Нужно только определиться со способом получения новорожденных, а дальше уже ничто не помешает внедрению их в учебное заведение.

— Я бы хотел, чтобы существовал более простой и менее трудозатратный вариант с добычей детей, о котором мог бы тебе рассказать, но этот вопрос весьма сложного характера. Даже если действовать в открытую, никто не станет бездумно отдавать ребенка совершенно незнакомому человеку... и даже политику.

— Вы так думаете?

Конечно, возможен и такой вариант: матери с радостью будут передавать новорожденных, если наговорить много разных слов про заботливую опеку, покровительство со стороны правительства и тому подобное. Но исходить надо из того, что в реальности такому не бывать.

— Может, тогда брать их из, не знаю, приюта для сирот?

— Таких приютов в Японии нет. Скорее, из детских домов. Однако требуются новорожденные младенцы, а значит, речь должна идти не о детских домах, а о яслях. В любом случае к нам будут относиться с подозрением. На кону ведь стоят человеческие жизни.

— Понятно...

Равнодушная реакция Камогавы вполне объяснима, если учитывать, что живет он нормальной полноценной жизнью. И он к тому же был по горло занят составлением списка потенциальных объектов.

— Разумеется, я собираюсь обращаться к яслям. Но уже после того, как учебное заведение заработает в полную силу, и когда его утвердят в качестве политики правительства.

Но самое главное — сделать все необходимое для того, чтобы наладить получение детей. Можно либо подкупить заведующего отделением акушерства и гинекологии, либо, если этого сделать не удастся, открыть свое отделение. А найти врача, продавшего душу самому дьяволу, не составит большого труда.

Показав Камогаве подробный план на экране компьютера, я принялся за объяснения.

Мы создадим место, куда будем принимать детей тех матерей, которые просто не смогут обеспечить им должный уход. Тогда ни у кого не возникнет поводов вмешиваться.

Если день появления ребенка из утробы матери взять за точку отсчета, «новорожденным» официально считается ребенок в возрасте до двадцати восьми дней. Младенцев до трех месяцев мы будем тайно забирать к себе. В обмен на то, чтобы матери не понесли ответственность, мы заключим с ними договор, по которому их связь с ребенком полностью обрывается. Пока детям не исполнится шесть месяцев, их будут содержать под полным врачебным надзором, а затем они начнут проходить образовательную программу.

— То есть на ближайшие несколько лет полноценного образования им не видать?

— Не говори глупостей. Начнем обучение с первого же года независимо от того, удастся нам привлечь средства или нет. Ты наивен, если думаешь, что политики и финансисты возьмутся за дело без внятного результата.

Они ведь точно также отправляют своих юных детей, свою плоть и кровь, получать образование

для одаренных. Если не продемонстрировать внушительную разницу в способностях, заметную невооруженным глазом, доверие к нашему учреждению сильно пошатнется.

Требуется развить до предела как интеллект, так и физические способности.

— Чем больше подопытных, тем лучше. Нужно как-нибудь набрать по меньшей мере десять-двадцать человек.

Сколько бы из них не сломалось в процессе, вопросов не возникнет, если скрыть реальное положение дел. Пусть до конца дойдут десять, тогда сделаем так, что приняли мы всего десять человек. Это укажет на компетентность учебного заведения.

— Но обучение младенцев вообще реально? Они ведь даже слов не понимают.

— Знаешь про детский язык жестов?

— Детский? Это какой-то особенный язык жестов?

— Как ты отметил, младенцы разговаривать не умеют. С учетом этого были придуманы жесты, чтобы общаться с ними. Для запоминания и использования слов необходимо развитие мозга и мышц, однако руки и пальцы развиваются намного быстрее.

Разумеется, в первые шесть месяцев после рождения осваивать эти жесты тоже весьма непросто.

— Ну да...

— Младенцы обладают намного более развитым интеллектом, чем считают взрослые. Если их ничему не учить, то они будут просто плакать. Но если обучить их жестам, взрослые могут понять, почему они плачут. Наш же проект зайдет намного дальше.

Крайняя форма раннего обучения. Вбивать полноценное образование с самого рождения.

В этом и заключается цель проекта.

Часть 3

Я смог заполучить шанс обрести связи с финансовыми кругами. Но если подойти к этому делу вообще без плана, то никто не станет финансировать за просто так.

Самое главное — предварительная подготовка. Это стало моим железным правилом после того,

как я вошел в этот мир.

Здание, расположенное в самом центре Кабуки-тё.

Этим вечером я пришел сюда один. Я захожу в этот кабаре-клуб два-три раза в месяц, когда нужно о чем-то подумать. Бизнес подобного плана уже отживает свой век, но он все еще пользуется высоким спросом, особенно среди людей в возрасте. И для мира политики он также незаменим.

— Добро пожаловать, Аянокоджи-сама.

Меня встретил уже знакомый швейцар в черном костюме и, не теряя ни секунды, проводил внутрь заведения.

— Мика здесь?

— Да, сегодня ее смена. Как раз говорила, что вы можете вскоре заглянуть к нам, и оказалась права. Прошу сюда.

Он провел меня вглубь клуба, в ставшую привычной VIP-зону. В комнате уже были расставлены несколько бутылок различного спиртного, обычно зарезервированного за мной, и несколько видов закусок. Все было подготовлено еще до того, как я вошел в клуб.

— Пожалуйста, подождите немного.

Швейцар поклонился и вышел из комнаты.

Мне стоило только молча опуститься на весьма дорогой диван, как внезапно навалилась усталость. Не было даже сил потянуться за спиртным, так что я лишь облокотился на спинку дивана.

— Ха-а-а-а... — вырвался у меня настолько протяжный вздох, что я сам слегка удивился.

В последнее время мне даже не удавалось толком поспать.

Внезапно порученный мне проект обучения кадров сопряжен с большим давлением и серьезной ответственностью.

От этой работы зависит моя жизнь. Провал недопустим.

С местоположением учебного заведения мы уже определились, однако денег на него по-

прежнему нет, как и подходящих педагогов. Не говоря уже про то, что для полноценной работы нужен разносторонний персонал.

Надо обдумать, как собрать умеющих держать рот на замке людей и наладить систему, которая не позволит любой информации просочиться наружу.

Разумеется, на это все тоже потребуются деньги.

— Деньги-деньги-деньги?..

Хотя Сакаянаги предоставил мне возможность получить средства, но как все сложится на самом деле — неизвестно.

— А что потом?..

Не выдержав нахлынувшую сонливость, я прикрыл глаза. А когда распробовал обивку дивана, которая оказалась не такой жесткой, как в офисе, расслабился и дал телу немного отдохнуть.

Сколько же прошло времени? Минута? Час?

Пробуждение наступило внезапно. Я только открыл глаза, как заметил перед собой лицо. Я видел знакомые губы, большие глаза и характерный взгляд, направленный на меня.

— Проснулся?

— Сколько я проспал?..

Приподнявшись на диване, я налил в бокал виски, чтобы окончательно проснуться.

— Где-то минут десять, я бы сказала. Должно быть, ты сильно устал.

Всего десять минут. Но после них тело, хоть и немного, но ощущалось легче.

— Не стоит так истязать себя. Будешь чай, воду?

— Нет, в такие моменты, чтобы взбодриться, я предпочитаю алкоголь.

Мика неодобрительно кивнула и привычными движениями наполнила бокал, вытерев с него проступившие капельки воды.

— У меня к тебе одна просьба.

— Не успел проснуться, а уже о деле? Ты можешь хоть ненадолго забыть о работе?

— Нет, не могу.

Я машинально крепко сжал бокал в руке.

— Что-то очень важное, я так понимаю?

— Нет никакой важной или неважной работы. Ошибки в любом случае недопустимы.

Для меня даже броситься в огонь и в воду за других уже важная миссия.

— Непросто быть политиком, похоже. А посмотришь телевизор, так вы только спите на заседаниях, берете взятки и забавляетесь с девушками. Нормальных же, которые просто занимаются своей работой, практически нет.

Видимо, именно так мир политики видится со стороны обывателей

И все считают, что наша работа заключается во взаимном освистывании правящей и оппозиционной партии, будто мы дети малые.

— Для меня так даже лучше. Если бы наверху сидели добросовестные люди, у меня не было бы возможности пробиться туда.

Благодаря засилью престарелых политиков, я могу претендовать на одно из немногочисленных мест.

— Думаю, ты станешь выдающимся политиком, Ацуоми, — она нежно положила ладонь мне на бедро.

— Смелые слова для человека, ничего не понимающего в устройстве мира политики.

— Я действительно не разбираюсь в политике, зато на мужчин у меня глаз наметан.

Мика переехала в Токио после выпуска из средней школы, сменила не одно место работы и в девятнадцать лет пришла в мир кабаре-клубов. Вооружившись бесстрашием и безупречной внешностью, она в мгновение ока стала номером два этого заведения.

Мы встретились, когда я подыскивал заведение, которое можно использовать для посиделок членов парламента, а потом наши отношения становились все ближе. Какое-то время мы даже встречались, однако это уже давно в прошлом. Я не разрывал с ней связи не только ради сохранения интимных отношений, но и потому что ее таланты пригодны для работы.

Мика прекрасно понимала, как пользоваться доступным ей оружием, и поэтому состояла в близких отношениях с несколькими мужчинами, ключевыми функционерами как правящей, так и оппозиционной партий.

Она была красивой молодой девушкой, с кем можно поддерживать серьезные отношения без вреда для семьи.

Политики хранят много тайн. Люди устроены так, что чем больше их знаешь, тем тяжелее ноша, и тем сильнее хочется поделиться ею с кем-нибудь.

Политики с осторожностью относятся к умным женщинам. А вот по отношению к тем, кто не блещет умом, их бдительность ослабевает. Такая девушка, если услышит секрет любого рода, притворно-понимающе ответит: «Ой, ну надо же!». И тем самым оживит разговор в интимной обстановке. Так что если случайно и развяжется язык и сболтнется чего лишнего, переживать не о чем — собеседник-то в этом явно ничего не смыслит, а значит, не запомнит.

Но с Микой все иначе. Она не может похвастаться обширными знаниями, но обладает минимальной сообразительностью. Она понимает, что слова политиков могут стоить денег, поэтому научилась искусству их записывать любыми средствами.

Все началось с того, что в обмен на содействие она потребовала денег и место номера один в этом клубе. Причем отдельным пожеланием было не просто сместить того, кто находился на первом месте, а полностью ее уничтожить. Цена оказалась вполне вразумительной, и я избавился от девушки, номера один на тот момент, накачав ее наркотиками. Сейчас она, наверное, получает гроши, удовлетворяя каких-нибудь оборванцев.

С тех пор наша связь стала только крепче, и мы поддерживаем отношения по принципу «ты мне, я тебе».

— Мне нужен компромат на кое-каких людей.

Я разложил на столике фотографии отобранных мною семи человек, входящих в финансовые круги.

— Есть кто знакомый или, может, кому ты могла бы приглянуться?

— Даже не знаю. Не помню, что бы кто-то из них заходил к нам... А, вот его, кажется, видела в одном из наших филиалов... погоди секунду, сейчас проверю. Как его зовут?

— Сонезаки.

Мика словно покопалась в памяти, затем достала телефон и кому-то позвонила.

— А, алло, София? У меня тут к тебе вопросик один есть. Знаешь посетителя по имени Сонезаки-сан?

Между ними завязался дружеский разговор, и по его окончанию Мика завершила звонок и кивнула.

— Бинго. У Софии есть горячий поклонник, который любит сорить деньгами. Так вот это он и есть.

— Очень кстати. Воспользоваться этим можно?

— Что нужно сделать?

— У этого Сонезаки есть жена и две дочери, которые скоро пойдут в среднюю школу. Став состоятельным, его потянуло развлекаться с девушками, что вполне объяснимо, но он явно не хочет, чтобы об этом узнала его семья.

— Только и всего, что ли?

— Что касается остальных, попробуй разузнать о них по мере возможности.

— Окей.

— И еще один момент. Я хочу, чтобы ты подобралась к Сасаде. Похоже, он в последнее время начал укреплять свои позиции. Неплохо было бы накопать на него какой-нибудь компромат.

— Сасада, да? Ну почему он? — при его упоминании Мика даже не пыталась скрыть отвращения на лице, — он мерзкий выродок, постоянно нагло лезет ко мне и тянет руки.

— Он сильно увлечен тобой?

— Говорит, если проведу с ним ночь, даст столько денег, сколько захочу.

— Замечательно. Соглашайся. Вытянем из него намного больше денег.

Это было оружие, которым мужчина обладать не может. Простая и эффективная стратегия.

— Сколько я получу?

— Будет результат, точно не обижу. Я ведь никогда не нарушал наши договоренности.

— Хорошо. Мне это не нравится, но я постараюсь.

— Не забудь еще составить компанию Наоэ-сенсею. Он тоже высокого о тебе мнения.

— Насчет него не уверена...

На лице Мики впервые промелькнула тень.

— Знаешь, он... как бы сказать... Я много раз с ним близко общалась, но никогда не могла увидеть, что у него на душе.

Она взяла небольшое полотенце для рук и принялась его как попало складывать. Это своеобразная привычка: Мика так пытается отвлечься, когда тема разговора ей неприятна.

— На вид он кажется дядечкой, но вот его энергия говорит об обратном.

— Надо же, не ожидал, что он заставит тебя так разговориться. Меньшего от Наоэ-сенсея ждать не приходится.

Он из тех выдающихся людей, чей почтенный возраст не должен вводить в заблуждение.

— Будь осторожней. Не хочу, чтобы тебя съели.

— Скольким людям ты успел уже сказать эти слова?

Я не глядя достал из кошелька несколько купюр достоинством в десять тысяч йен и небрежно кинул их на столик.

— Возьми.

— Уходишь? У нас ведь еще осталось время.

— Извини, но мне некогда прохлаждаться.

Алкоголь и женщины — лишь средства удовлетворения прихотей, ни больше, ни меньше.

Однажды я тоже приду к ним.

Но сейчас самое главное — это успешно запустить проект и сделать себе имя во фракции Наоэ.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/4241/2720207>